

Известия. — 1999 — 24 июля. — с. 5

Сростки: печки и лавочки

25 июля Василию Шукшину исполнилось бы 70 лет

Виктор ГОРЛОВ

«Трудно понять, но как где скажут «Алтай», так вздрогнешь, сердце лизнет до боли мгновенное горячее чувство... Когда буду помирать, если буду в сознании, в последний момент успею подумать о матери, о детях и о Родине, которая живет во мне. Дороже у меня ничего нет».

В. ШУКШИН

Крученный-верченый, птицей взлетающий, камнем падающий — Чуйский тракт. Сколько раз выпадало ехать им, и всегда, если терпело время, я просил шофера притормозить здесь, у крайнего, распахивающего село настежь домика с одиноким тополем под окном. Поднимался по выгнутой спине, широко протоптанной тропинке. Мимо печально тихого, схваченного крашеной оградой кладбища. Мимо сбившихся в стайку берез — сюда, на самую макушку цветущей, благоухающей разнотравьем горы Пикет. Отсюда видно все: степь, хребтину гор сквозь бело-голубую поволоку, излучину реки в густой борозде тальника. И отбитое изгибом Катунь утонувшее по крыши в зелени село у самого подножия.

Много на Алтае таких, как это, красивых и привольных сел. Да не сыскать другого со столь же громким именем. Село Сростки — родина Василия Макаровича Шукшина.

В последний раз я бывал в здешних местах с десяток лет назад. Все так, да не так... Чуйский, когда-то испытывавший шоферов своими разбитыми кюветами, сейчас одет в новенький асфальт, где вместо стареньких «колхид» да «газонов» катят сплошь «Жигули» и иномарки. Вдоль дороги, где чайных вроде показанной в фильме «Живет такой парень» был раз-два и обчелся, сейчас густо стоят кафешки, палатки и шеренги торговцев. Покупай что хочешь — картошку, пельмени, огурцы... Но лучше — творог, сметану, масло. Такого вкуса молочные продукты редко где сыщешь. Алтайские сыры спорят со швейцарскими, а в былые времена поставлялись к столу Его Императорского Величества.

Проехав сотни километров по таежным селам Горной Шории и Горного Алтая, где сегодня жуткая нищета и упадок, отмечаю: Сростки живут. Ухоженные дороги, добротные дома — глазастые окнами, лобастые стенами, наряженные наличниками. А вот и обновики — музей Шукшина, которого так долго ждали, и вполне «городской» стадиончик с приличным полем, где играет местная футбольная команда, выступающая в чемпионате края. Значит, понимаю я, выдержал, не сломался директор совхоза «Сростинский» Юрий Пьяных.

Вот уже около 20 лет он в должности. По нашим временам — неслыханный срок. Но потому и держится, что думает о селе и его людях. Когда я впервые приехал в Сростки, Пьяных сказал: времени у меня особого нет. Да и чтобы село понять, душу его, не со мной говорить надо — с людьми.

Очень долго происхождение Сростков оставалось неизвестным. Считалось, что основали его беглые каторжане. Такой бы, наверное, легенда и осталась, не заинтересуйся поиском истины алтайский историк и писатель Василий Федорович Гришаев.

— Сколько я недель просидел в подвалах краевого госархива в поисках документов о родословной Сростков, теперь и не припомню, — рассказывал он мне. — Но однажды

наткнулся на пухлую, переплетенную по-старинному в мешковину папку. В «ревизской скаске» Томской губернии Бийской волости было указано, что в 1804 году во «вновь заведенную деревню Сростки» переселились 14 семей из соседнего села Большое Ургенево и еще одна из Шубинки. На день переписи в Сростках проживал 81 человек «мужеска пола». В анкетах Всероссийской сельскохозяйственной и городской переписи 1916—1917 годов значилось:

«Шукшин Павел Павлович — 60 лет. Переселенец из Самарской губернии. Год переселения — 1867. У него сын Леонтий — 35 лет, внук Макар — 4 года».

Макар Леонтьевич Шукшин и есть отец Василия Шукшина. Из той же Самарской губернии родом и его

Мать Шукшина Мария Сергеевна

мать — Мария Сергеевна, в девичестве Попова.

О матери Шукшина мы знаем много. Сохранились воспоминания, фотографии, да и сейчас еще живы очень многие знавшие Марию Сергеевну. Но почему так скупо сведения о его отце? Почему даже в годы посмертного признания Шукшина тема эта деликатно обходилась? И сам Василий Макарович ее почти не касался ни в автобиографии, ни в простых разговорах. Впрочем, что он мог сказать? Было ему от роду 3 года и 8 месяцев, когда отец сделал это «признание»:

«Я, Шукшин Макар, решил полностью и чистосердечно признаться в том, что состоял в контрреволюционной повстанческой организации в колхозе «Пламя коммунизма»... наша контрреволюционная ячейка добилась весьма значительных результатов подрывного характера, как на пример...»

Далее идет длинный перечень «преступлений» Макара Леонтьевича Шукшина. Преступлений, которых не было. Но зато было знаменитое выступление Сталина на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г., на котором он предупредил: «В ряде колхозов заправляют делами хорошо замаскированные антисоветские элементы, организуя там вредительство и саботаж».

Сигнал услышали всюду, где было ГПУ. А ГПУ было везде. В Старо-Бардинском районе, куда входили тогда Сростки, тоже. И здесь горели желанием доказать товарищу Сталину, что свой хлеб едят не зря, а округа просто кишит шпионами, вредителями и прочими врагами Страны Советов. Место самого главного из них определили Жене Малявскому.

Шукшин и неизвестный на съемках фильма «Печки-лавочки»

Во-первых, выпускник Омской агрономической школы — значит, грамотный, интеллигент. Во-вторых, комсомолец, главный агроном МТС — на руководящей должности — значит, вдвойне опасен. А то, что Жене Малявскому было всего 23 года, никого не интересовало. Так что 21-летний Макар Шукшин, к тому времени уже женатый, имевший двоих детей, вполне подходил на роль помощника главного злодея. Правда, не в пример Малявскому, малограмотный, беспартийный. Но для исполнителя чужой воли другого не требовалось — так считали в ГПУ. Охота в Сростках, страшная и трагическая, началась 24 марта, когда сюда нагрянула опергруппа. 3 апреля 1933 года стали известны ее итоги. Были арестованы 87 жителей Сростков. В их числе и два брата матери Василия Макаровича Шукшина — Иван Попов, которому было 29 лет, и Михаил, семью годами младше. Через 18 дней — времени тогда на следствие и доказательство много не травили — состоялось постановление «тройки». 39 сростинцев приговорили к расстрелу, 48 — к лагерям. В списке первых значился и Макар Леонтьевич Шукшин...

Мало осталось свидетелей тех далеких событий. Давно исчез дом, откуда ушел навсегда Макар Леонтьевич и где провел свое детство Василий. А тот дом, что стоит на окраине села, у подножия Пикета, Мари Сергеевне Василий купил на гонорар за роман «Любавины». Сам посмотрел. Нравилось, что тихо, много зелени, да и до Катунь рукой подать.

В 1968-м Шукшин заглянул домой на неделю. Приезд, как всегда, не афишировал. Однако разве утаишься? Приехали к нему из колонии не-

совершеннолетние: очень просим выступить! Вернулся Василий Макарович оттуда, как вспоминала мать, молчаливым, хмурым. Долго курил, сидя на крыльце. Искореженные, горькие судьбы мальчишек потрясли его. Тогда Василий Макарович дал себе слово хоть что-нибудь для них сделать. Прошло четыре года, и мы увидели потрясающий своей правдивостью и болью фильм «Калина красная», где он сыграл бывшего ээка Егора Прокудина, а Лидия Федосеева — добрейшей души Любу Байкалову.

Байкаловы, Колокольниковы, Тепляшины, Воеводицы... Многих своих героев Шукшин называл фамилиями земляков. Да и характеры, судьбы человеческие для своих книг и фильмов Шукшин тоже брал на родине. Вот только приезжал в Сростки нечасто. Не так часто, как ему хотелось. И не скрывал тоски в письмах, что летел в материнский дом отовсюду, где бы он ни был — в Москве ли, за границей, на кидавших по белу свету съемках.

И когда вырывал у суматошной, неподвластной ему жизни неделю-другую для Сростков, мать тихонько охала и ахала, глядя на его измученное, землистое лицо с выпирающими острыми скулами. Бегала чуть свет за парным молоком по соседям. Колдовала над травами, излечившими его когда-то от язвы. Стегла ревниво калитку от непрошенных гостей. И уступала, если гурьбой являлись сростинские мужики и, посидев для приличия на крыльце, шептались на ухо: «В Поповский, Макарыч?»

В Поповском саду, густой тополиной роще, отбитой от села косой Катунь, они коротали теплые летние вечера за разговорами, что копи-

лись годами, ждали приезда Макарыча домой.

— Как-то прихожу домой — нет мужа, — рассказывала мне Нина Алексеевна Великова. — Кричу соседке Рае Байкаловой: «Твой-то дома?» «Нет, — отвечает, — опять где-то леший носит». А тут мальчишки ватагой: «Дядя Вася Шукшин приехал!» Ясно стало. Пошли в Поповский сад — там мужики. Сидят кружком, спорят. А Василий рядышком помалкивает... Подивились мы тогда. Он бы рассказывал — другое дело. Повидал ведь. А то — слушает. И о чем? Кто-то с бригадиром не ладит. Кому-то премию обрубил. Кого-то новой машиной в очереди обошли. Нашим, сростинским, — как по резаному — вот и распались. А ему, давно столичному, зачем нужно?..

Позже поняли. Когда смотрели фильм «Печки-лавочки». Нужен был тот разговор Шукшину. Много он у мужиков подслушал да в фильм вставил.

Хорошо, конечно, помнят старожилы и дебют Шукшина-актера. Собрание Саши Куксина, тогдашнего киномеханика, о том, что привез он «фильм с Василием», интерес вызвало огромное. Клуб был забит до отказа. А уходили после фильма сростинцы разочарованными: «Только раз всего-то и промелькнул Васяка. Тоже, артистом еще кличут». И никому, конечно, было невдомек, что и самому Шукшину эпизод в первом фильме не лег на душу. Никто тогда не подумал, что придет время и будет их Василий и главные роли играть, и сам фильм ставить. Может, потому среди земляков так долго жило неверие в способность Шукшина: рос рядом, был как все и вдруг, на тебе — артист.

Вот что рассказывала бывшая заведующая библиотекой в Сростках Дарья Ильинична Фалалеева: «В 1967 году Шукшин, как всегда, приехал в Сростки в отпуск. Я решила организовать с ним встречу. Поговорила кое с кем из сельчан, но в ответ услышала: «А что нам с Васей встречаться? То ли мы его не знаем?» Что греха таить, было кое у кого из односельчан предубеждение к нему. На чем оно основано, право, не знаю. Василий Макарович чувствовал эту неприязнь и болезненно переживал ее. От матери как-то слышала: ходит-ходит иногда по комнате, курит, хмурится, потом скажет вроде как сам себе: «Гады, я ж люблю вас...» Не забуду, как волновался Василий Макарович Шукшин, идя на встречу. Сестра его, Наталья Макаровна, всю дорогу успокаивала Шукшина, а он твердил одно: «Не могу, Наташа, не могу! Будто в чем виноват перед ними». И на сцене первое время на каждом слове спотыкался. А ведь перед какими аудиториями выступал!»

Из Сростков я всегда уезжаю так же, как и приезжаю сюда. Обязательно на минутку-другую поднимаюсь на гору Пикет. Летом здесь проходят Шукшинские чтения. Вспоминают Шукшина знавшие его писатели, артисты, поэты, делятся своими мыслями поклонники. И звучат над Сростками слова: «Родина... Я живу с чувством, что когда-нибудь я вернусь на родину навсегда. Может быть, мне это нужно, думаю я, чтобы постоянно ощущать в себе житейский «запас прочности»: всегда есть куда вернуться, если станет невмоготу. Одно дело — жить и бороться, когда есть куда вернуться, другое дело — когда отступать некуда...»

Ясно и просто. Счастливы те, кого ждут и помнят. Такие вот печки-лавочки...

Алтайский край—Москва

Шукшин Василь

24.7.99